

Институт генерал-губернаторства и жандармерия Восточной Сибири (1905–1917 гг.)

Д. А. Бакшт

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, г. Красноярск*

Аннотация. В статье рассматривается процесс взаимоотношений генерал-губернаторов Восточной Сибири и органов жандармерии в заключительный период существования российской монархии. Показано, как региональный, личный и ведомственные факторы влияли на осуществление репрессий против оппозиции.

Ключевые слова: генерал-губернатор, Корпус жандармов, Департамент полиции, Восточная Сибирь, революция.

Изучение органов императорской власти на окраинах в исторической науке обычно строится на основе концентрации исследовательского внимания на одном предмете. Межинституциональные связи при данном фокусе смещаются на периферию внимания и становятся фоном основного повествования. Между тем потенциал изучения данных процессов достаточно объемный: процессы показаны в динамике, расширяется контекст и увеличивается количество факторов.

Современная историография, главным образом, рассматривает взаимоотношения жандармских структур с губернаторами. Это связано тем, что должности последних, в отличие от генерал-губернаторов, существовали на большей части империи на заключительном этапе ее существования. Мнения исследователей расходятся: от постепенного сращивания жандармерии с остальными органами регионального управления [1, с. 169] до их взаимной конфронтации. Существует и ряд трудов, характеризующих сложность взаимоотношений генерал-губернаторов и жандармов.

Частные случаи, показанные в историографии на примере Средней Азии, Финляндии, оккупационных территорий в Галиции, нерепрезентативны для аналогичных структур в Сибири. Объяснением является тот факт, что каждое генерал-губернаторство создавалось под территории, требовавшие особых подходов в управлении.

Восточная Сибирь в исследуемый период в административном отношении объединялась Иркутским генерал-губернаторством (с 1887 г.). В него включались Иркутская и Енисейская губернии, Якутская и Забайкальская области, Урянхайский край (протекторат, с 1914 г.). В каждой из административных единиц присутствовали жандармские подразделения. Губернское жандармское управление (ГЖУ) долгое время было основным региональным органом, закрепленным «Положением о Корпусе жандармов» (1867). Его начальники подчинялись только командиру Корпуса и не были частью губернского аппарата. Территория ответственности ГЖУ совпадала с административными границами регионов. В Восточной Сибири таковых было всего два: Иркутское ГЖУ (Иркутская губерния, Якутская и Забайкальская области) и Енисейское ГЖУ (Енисейская губерния).

Как особенность ГЖУ указывают двойное соподчинение МВД («по розыску») и Военному министерству («по строевой части»). Этим жандармерия должна была приобрести ведомственную независимость. Восточносибирский вариант управленческой модели несколько иной: генерал-губернатор совмещал должность командующего военным округом и, таким образом, имел рычаги влияния по военной линии.

Развитие революционного движения в России на рубеже XIX–XX вв. спровоцировало распространение на периферию столичной практики – охранных отделений. Их основная функция – осуществление розыскных функций в «политических» делах (ГЖУ оставалось только производство следственных действий и дознаний). Впервые масштабное внедрение осуществлено директором Департамента полиции (ДП) МВД С. В. Зубатовым (1903–1904 гг.): охранные отделения были открыты в Иркутске, Красноярске и Чите. Данные образования были выведены не только из-под генерал-губернаторского и губернаторского прямого влияния, но и жандармских начальников.

После ухода С. В. Зубатова охранные отделения стали закрываться. Первая революция заставила пересмотреть устройство полиции. В Иркутском генерал-губернаторстве было создано Восточно-Сибирское районное охрannое отделение (РОО). В Иркутске, в отличие от Красноярска, было сохранено охрannое отделение, где помощником начальника состоял ученик Зубатова Б. А. Герарди (1903–1905), поэтому первоначальная модель «ох-

ранки» здесь была сохранена, став базой для формирования межрегионального органа политической полиции [2, с. 97].

РОО возглавлялись начальниками, которые имели право совмещать должности с начальниками ГЖУ. За время существования этого учреждения в Восточной Сибири оно практически всегда было совмещено с начальством над Иркутским ГЖУ. В Сибири централизованная (неразделенная) модель связала межгубернский жандармский розыск, учреждения дознания в губерниях (по политическим делам) и институты, выносящие вердикт по чрезвычайному законодательству (генерал-губернатор, губернатор, военно-окружной суд). Все концентрировалось в едином центре – в Иркутске.

Например, при организации розыскного пункта в Красноярске (декабрь, 1907 г.) начальник Енисейского ГЖУ писал в ДП МВД, что вопросы организации и связь с Иркутском им установлена личной поездкой на специальное совещание, проводимое полковником Кременецким [3, л. 10-10об.].

Значительная удаленность регионов Сибири не позволяла оперативно вмешиваться генерал-губернатору в непосредственную работу жандармерии. Это вынуждало его действовать посредством губернаторов или специально назначаемых чиновников. Так, во время операции по ликвидации банды анархистов в Туруханском крае («Туруханский бунт», зима 1908–1909 гг.) руководство иркутского генерал-губернатора велось через временное генерал-губернаторство. Во время значительного конфликта енисейского губернатора А. Н. Гирса и жандармов в Красноярск был послан управляющий канцелярией иркутского генерал-губернатора Шишкин [4, л. 4-4об.].

Зафиксирован случай прямого обращения генерал-губернатора Л. М. Князева к жандармерии для проверки собственных сотрудников. В конце 1912 г. в Олекминский и Витимский горные округа был послан с инспекторской проверкой делопроизводитель генерал-губернаторской канцелярии Лобученко. Недовольный его отчетом и подозревая его в злоупотреблениях, Князев поручает жандармскому подполковнику Шиманскому проверить эти опасения. В результате, опираясь на полученные сведения, генерал-губернатор отозвал своего чиновника, произведя замену [5, л. 9-12об.].

Данный факт является показателем сложности взаимоотношения региональной бюрократии. С одной стороны, испорчена репутация жандармских офицеров после Ленского расстрела (1912 г.), с другой – поручение деликатного дела, связанного с золотопромышленностью. Сам же Князев не питал особых симпатий к жандармскому ведомству. Будучи губернатором Курляндии, на одном из совещаний он высказался за существенное ограничение Корпуса жандармов [6, с. 134].

Личное соприкосновение генерал-губернаторов с жандармерией происходило в вопросах производства суда и следствия по «политическим делам» в рамках чрезвычайного законодательства. *Судебные уставы*, распространенные и на Сибирь (с 1897 г.) либо ограничивали, либо вообще не допускали участия данных институтов в процессе. Однако в местностях, объявленных на исключительном («охранном» или военном) положении, жандармерия становится главным органом досудебной фазы процесса, генерал-губернатор – последней региональной инстанцией, утверждающей приговор перед одобрением в МВД.

В исторической науке замечено, что меры по либерализации имперского законодательства не только не уменьшили насилие в обществе, но и привели к обратным последствиям. Начиная с 1906 г. происходило значительное расширение чрезвычайных полномочий как центральных ведомств, так и местных властей. Мы уже показывали данный процесс и масштабы жандармских репрессий на примере Енисейской губернии [7, с. 159–162].

Отметим, что военное положение, несмотря на широкое применение, не устраивало ни генерал-губернаторов, ни губернаторов, ни жандармов. Для чиновников было достаточно «усиленной охраны»: так, степной и иркутский генерал-губернаторы (генералы Шмидт и Селиванов) объединили свои усилия для отмены военного положения в зоне Транссиба (август 1909 г.), испрашивая каждый региональные власти [8, л. 41–42]. Это решение вызвало одобрение как губернаторов, так и жандармерии.

Другой генерал-губернатор, Л. М. Князев, был противником и этого метода управления, главным образом в вопросах политики. В сибирской прессе опубликовано достаточное количество «обязательных постановлений» Князева, но большинство из них касались вопросов оборота оружия, правил продажи вина, поддержания нравственности, а с начала мировой войны – и военнопленных.

Князев выпустил большой циркуляр (январь 1914 г.) о том, что жандармские ходатайства о высылках «свидетельствуют о весьма частых отступлениях от существующих на сей предмет указаний закона и многочисленных циркуляров» [9, л. 1-5]. Он добился центральной проверки жандармерии Восточной Сибири (весна 1915 г.) [10, л. 41-47]. Только заступничество В. Ф. Джунковского (командир Корпуса жандармов, 1912-1915 гг.) за своих подчиненных несколько погасило конфликт. Полковник М. С. Байков (начальник Енисейского ГЖУ, 1911-1916 гг.) писал в МВД (февраль 1915 г.): «...Типичная особенность работы в Сибири среди опытных и выдавших виды революционеров (имеется в виду ссылка. - Д. Б.) не дает возможность привлечь арестованных к формальному дознанию», тогда как агентурные данные не были основанием для высылки [11, л. 190].

Смертная казнь, широко применявшаяся в том числе и в Сибири в период Первой революции, при Л. Князеве не являлась финалом жандармских расследований даже в период мировой войны. Из постановлений военных судов округа (1914-1916 гг.) генерал-губернатор утвердил смертную казнь только 22 подсудимым, 5 - каторгу. Еще 26 осужденным повешение было смягчено каторгой. Сущность дел касалась только крайних проявлений уголовного характера (убийства, бандитизм) [10, л. 41-47].

Министерская «чехарда» в столице и постоянная смена руководства приводили к размежеванию ведомств на местах. Например, генерал-губернатор противодействовал жандармским преследованиям баггистов (сентябрь 1915г. - октябрь 1916 г.), несмотря на то, что они были спровоцированы МВД. Кроме того, жандармерия Восточной Сибири также не была едина: в 1912 г. Енисейскую губернию перевели в ведомство Томского РОО, а после его упразднения (1913 г.) не был восстановлен контроль Иркутска. Сохранившееся Иркутское РОО, хотя и было признано координирующим центром для жандармерии Восточной Сибири и русского Дальнего Востока, потеряло тесную связь со многими железнодорожными отделениями. К этому добавим, что к моменту падения монархии в сибирских провинциях возросла роль военного руководства и начальников гарнизонов, не считавшихся ни с генерал-губернатором, ни тем более с жандармами.

Таким образом, последнее десятилетие российской монархии характеризуется деградацией управления на окраинах, расстройством межведомственных связей, обострением конфронтации местных полицейских органов. Институты, призванные поддерживать власть императора на окраинах (генерал-губернатор и жандармерия), в Восточной Сибири перестали функционировать в едином векторе.

Список литературы

1. Власть в Сибири. XVI – начало XX в. / сост. М. О. Акиншин, А. В. Ремнев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск : Сова, 2005. – 696 с.
2. Ульянова Л. В. Социально-профессиональный портрет политической полиции Российской империи (1880–1905) // Вестн. Перм. гос. ун-та. Сер. История. – 2009. – Вып. 2 (9).
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 827. Оп. 3. Д. 171.
4. ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 498.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 316. Д. 50, ч. 1.
6. Романов К. С. Департамент полиции МВД России накануне и в годы первой мировой войны (1913–1917 гг.): дис. ... д-ра ист. наук / К. С. Романов. – СПб., 2002. – 274 с.
7. Бакшт Д. А. Использование чрезвычайного законодательства в Енисейской губернии в межреволюционный период (1907–1917 гг.) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2012. – № 2-1. – С. 158–164.
8. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 5141.
9. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 7204.
10. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 212. Д. 3, ч. 17.
11. ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 97.

Governor General Institution and Gendarmerie in Eastern Siberia (1905–1917)

D. A. Buksht

V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk

Abstract. The paper considers interrelationships of governor generals of East Siberia and gendarmerie bodies at the end of Russian monarchy. Influence of regional, personal and departmental factors on opposition repression is shown

Keywords: governor general, gendarme corps, police department, East Siberia, revolution.

Бакушт Дмитрий Алексеевич – ассистент, кафедра отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89, тел.: 8(391)2171717, e-mail: baksh@mail.ru

Buksht Dmitry Alekseevich – Teaching Assistant, Subdepartment of History of Russia, V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, 660049, 89, Ady Lebedevoy st, Krasnoyarsk, tel.: 8(391)2171717, e-mail: baksh@mail.ru